Наталья Калинина
Тонкая нить предназначения

Знаки судьбы

Наталья Калинина

Тонкая нить предназначения

«Калинина Наталья»
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Ром=Рус)6-44

Калинина Н. Д.

Тонкая нить предназначения / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2015 — (Знаки судьбы)

ISBN 978-5-699-83877-6

Олеся с детства знала, что должна умереть молодой, как раз в тот момент, когда встретит свою истинную любовь. Эту судьбу она увидела в доме прорицательницы и с тех пор жила с ощущением трагической предрешенности, тем более что все остальные предсказания полностью сбылись. И вот пришло назначенное время, но Олесе очень хочется жить, да и как можно умереть, когда все только начинается?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Ром=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83877-6

© Калинина Н. Д., 2015
© Калинина Наталья, 2015

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 23
Глава 4 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Наталья Калинина
Тонкая нить предназначения

Пролог

Холод сентябрьской ночи обнимал его за плечи призрачными руками, порывистый ветер, словно подкравшийся сзади шутник, дул в затылок и норовил залезть под задернутую до ворота ветровку. И все же, несмотря на холод, странный морок рассеивал внимание и окутывал полудремой, что в данной ситуации было неуместно. Мужчина повел плечами, будто сбрасывая с них невидимые ладони, и вновь сосредоточился на наблюдении. Где-то рядом хрустнула ветка. Неужели мальчишки не послушались и пришли сюда? Если так, то задаст он им трепки! Или это Лика? С нее тоже станется. Мужчина прислушался, не раздастся ли шороха шагов крадущегося человека. Но нет, все было тихо. Он сунул руку в карман и вытащил смятую пачку сигарет. Ожидать просто так – скучно. Особенно если толком не знаешь, чего именно. Но если бы он не был уверен в том, что что-то произойдет, не променял бы крепкий сон на дежурство под темными окнами заброшенного здания.

Всегда исправно служившая ему зажигалка вдруг заартачилась: раздавались только холостые щелчки, да пару раз мелькнула не принесшая пользы искра. Может, это место на нее так подействовало? Ведь отключилась же у них днем вся исправно заряженная аппаратура, даже мобильники. От этой усадьбы можно ожидать чего угодно. Мужчина еще раз, уже без всякой надежды, щелкнул колесиком и наконец-то высек маленькое пламя, от которого удалось прикурить. «Ну же, не подведи!» – обратился мысленно он к белеющему в темноте зданию, очертаниями похожему на внезапно появившийся перед носом круизного лайнера айсберг: оно казалось таким же холодным, величественным и… смертоносным. Но время шло, и ничего не происходило. Уже и полночь давно миновала – час, на который он возлагал большие надежды. Мужчина втоптал окурок носком грубого ботинка в землю, решительно закинул за спину рюкзак и поправил на шее ремень фотокамеры. Чего он и правда ожидает? Что в окнах вспыхнет свет, явив его взору темные силуэты? Если он хочет что-то получить, то нужно идти внутрь.

Днем они с Ликой тщательно исследовали помещение и нашли, что лестницы в нем еще крепкие, а в полу нет дыр-ловушек. Да и фонарь у него с собой мощный. Если, конечно, не выйдет внезапно из строя. Это здание заброшенной усадьбы на самом деле таило в себе немало секретов. И только он так подумал, как заметил в одном из окон на втором этаже вспыхнувший и тут же погасший приглушенный огонек, будто некто подавал кому-то условный сигнал. Мужчина присвистнул и торопливо направился к крыльцу, не сводя взгляда с окон. Огонек опять вспыхнул и на этот раз не погас, только на время исчез и появился уже в другом окне, будто кто-то шел по комнатам с зажженной свечой в руках. Может, кто-то и правда пробрался внутрь? Кто-то живой, излишне любопытный или нашедший в заброшенном здании временное пристанище. Мужчина на всякий случай погасил фонарь. И вовремя, потому что услышал чьи-то шаги. Луна, выглянувшая из-за тучи, осветила тоненькую невысокую девушку, которая легко взбежала по ступеням и замерла в нерешительности перед дверью.

– Эй? – окликнул он незнакомку. Но та, похоже, не услышала. Потянула на себя тяжелую дверь и исчезла за нею. Мужчина бросился вперед уже бегом. Кто эта девушка? Судя по комплекции – не рослая Лика. Живая она или… Он вошел, и дверь за его спиной захлопнулась сама собой. Шумный стук взорвал тишину, разнесся волной по пустому помещению и отозвался неприятным толчком в груди. Невольно подумалось, что все пути к отступлению отрезаны, и на какое-то мгновение им овладело сильное желание развернуться и уйти. Может, он так бы и сделал, если бы не мысль о девушке, опередившей его на минуту.

Мужчина включил фонарь и обвел мощным лучом света помещение. Пусто. Никого. Но тишина ему казалась обманчивой, он кожей чувствовал притаившихся в темных углах зала обитателей этого дома. Выпустят ли они его обратно? И, хоть он был совсем не из пугливых, от невидимых взглядов, направленных на него со всех сторон, стало не по себе. Где-то наверху раздался шорох, за ним – приглушенный вздох, показавшийся ему едва ли не громче стука захлопнувшейся двери. Мужчина справился с неразумным порывом броситься на шум, поднял фонарь и осветил лестничную площадку над собой. И едва сдержал крик. Он многое повидал на своем веку, но с таким столкнуться пришлось впервые. Лучше бы этого не видеть! Словно услышав его спонтанное пожелание, фонарь в его руке вдруг завибрировал, свет моргнул и погас. И в тот же момент тишину разорвали дикие крики, хохот и рыдания. А кто-то над самым его ухом вкрадчиво прошептал: «Добро пожаловать в ад!»

Глава 1

Фотопортрет был таким большим, что размерами превосходил узкое оконце на другой стене. Такому портрету место в музее, а не в этом деревенском домишке, в крошечной спальне для гостей: молодая дама в белом закрытом платье с высоким воротником и розой у корсажа. Одну руку, обтянутую рукавом, она завела за спину, вторую положила на спинку стоящего рядом стула. Темные волосы, уложенные в затейливую прическу, открывали высокий лоб и маленькие мочки ушей. Возможно, в свое время дама и считалась привлекательной, но Марине ее лицо показалось отталкивающим. Скорей всего из-за взгляда: темные глаза смотрели в объектив настороженно и сурово. Марина тут же вообразила, что неизвестная когда-то была учительницей в дореволюционной гимназии для девочек.

– Ну, как тебе здесь?

Марина, оторвав взгляд от портрета, оглянулась на голос. Леша втащил огромный чемодан прямо на двуспальную кровать, застеленную цветастым плотным покрывалом, и со щелчком расстегнул замки.

– Спусти его на пол, – недовольно бросила Марина. – Тетя Наташа увидит, заругается.

Наталья приходилась бабушке Алексея младшей сестрой, но с детства он привык звать ее тетей. Хозяйка была великой аккуратисткой, уже успела провести для «молодежи» небольшую экскурсию по своему стерильному дому, то и дело строго оговаривая, что следует, а что не следует делать в ее владениях. К примеру, после приема душа надлежало протирать за собой влажные стены специальной тряпочкой. А на кухне – ни в коем случае не использовать для рук посудное полотенце, а брать другое – полосатое. И еще куча мелких указаний, на которые Алексей послушно кивал, а Марина незаметно морщилась.

– Не увидит, – возразил Леша, но чемодан все же спустил на пол. Марина лишь хмыкнула, тем самым отвечая и на его реплику, и на прозвучавший раньше вопрос. Похоже, не будет им покоя всю эту неделю: тетка достанет их придирками и замечаниями. И, главное, сбежать-то особо некуда: поселок маленький, не городок, а скорее расстроившаяся деревня. Из всех развлечений – местный клуб, где крутят старые фильмы, да узкая быстротечная речушка на окраине. Еще лес. Только походы за грибами Марина считала сомнительным развлечением: комары, промокшие ноги и набившиеся за шиворот хвойные иголки ее нисколько не привлекали. Она еще раз скользнула взглядом по фотопортрету и подошла к окну. Из окна открывался вид на огород за домом, и первое, что бросилось Марине в глаза, – серо-желтые стебли, напоминающие клубки неподвижных змей, и приглушенно-оранжевые тыквы между ними. Дальше находилась теплица, сквозь мутные целлофановые стены которой виднелись выросшие почти до потолка томатные кусты. От такой перспективы – целую неделю после пробуждения лицезреть в окно грядки – у Марины на глаза набежали слезы. А вдруг еще по прихоти Лешиной тетки придется гнуть спину на сборе урожая вместо отдыха. Ну, нет! Тогда уж лучше в лес – кормить комаров. Или плескаться в речке с квакушками.

Все не задалось с самого начала. Марине долго не давали отпуск, хоть она и написала заявление на июль. Но в мае ушла в декрет одна ее напарница, а вторая в июне сломала ногу, и Марине не только не удалось уйти в отпуск, но и пришлось работать за троих. Отпустили ее в сентябре, когда вышла после больничного сотрудница. Но мечта поехать на заграничный курорт и поймать последние моменты уходящего лета разбилась об Алешкин просроченный паспорт. Ох, как ругалась Марина, когда узнала, что любимый подложил ей такую свинью! Неделя отдыха для современного человека, у которого каждая минута заполнена тем или иным делом – роскошь. И получить в эту так сложно добытую неделю вместо королевской жизни по системе «все включено» прозябание без удобств в забытой богами деревне – чудовищное преступление. Согласилась она только потому, что Алексей в качестве компенсации обещал

ей свадебное путешествие на Мальдивы. А ради этого можно и потерпеть: до свадьбы ждать осталось не так уж долго.

– Ладно, не куксись, – примирительно сказал Леша. – Лучше помоги.

Марина отошла от окна и присела над раскрытым чемоданом. Вещей на неделю они взяли немного: в деревне, кроме летних шорт, нескольких футболок, ветровки и запасных джинсов ничего не понадобится. Высокий Алексей уступил ей нижние полки в шкафу, а сам занял верхние. Все то время, что Марина выкладывала одежду, ее не покидало ощущение, что за нею кто-то следит. Пару раз она выглянула за окно: может, тетка вышла в огород и украдкой подсматривает? Но нет, в огороде не было ни души. И все же каждый раз, когда она отворачивалась к шкафу, чувствовала спиной опасный, будто ядовитый паук, взгляд, который хотелось немедленно стряхнуть. Откуда взялось это чувство тревоги? В комнате, кроме них, никого не было. Не дама же с портрета на нее глядит!

– Ты чего дергаешься? – спросил Алексей, когда Марина в очередной раз оглянулась. Она пожала плечами: не скажешь же, что ей неуютно под чьим-то невидимым взглядом. Лешка лишь посмеется или, что еще хуже, рассердится. Поэтому Марина просто качнула головой и закрыла дверцу шкафа.

– Не знаешь, кто это? – как можно безразличней кивнула она на даму.

– Кто ее знает… Может, прабабка или родственница. Если хочешь, спрошу у тети.

– Не надо. – Марина сунула руки в карманы джинсов и крутанулась на пятках, еще раз осматривая комнату. Под портретом находился узкий комод с тремя ящичками, которые тетка попросила не занимать, а на самом комоде, на вывязанной крючком белой салфетке, гордо стояли искусственные розы в вазе синего стекла. У противоположной стены, покрытой цветастым ковром, стояла двуспальная кровать с высокой полированной спинкой, аккуратно застеленная покрывалом. До прихода гостей на ней высилась горка разного размера пуховых подушек, которые тетка затем унесла. Такие же подушки были в деревне у Мариниой бабушки, – и каждый вечер бабушка их аккуратно снимала и переносила на узкую тахту, а утром опять выстраивала горкой на застеленной кровати – в накрахмаленных белоснежных наволочках без единой морщинки, с идеально расправленными острыми уголками. Маленькой Марине каждый раз хотелось разбросать эти подушки и поваляться в них, представляя себе, что они – облака. Но, конечно, никто не давал ей этого сделать.

Узкий высокий шкаф занимал стену возле входной двери, а у противоположной, возле окна, громоздилось кресло, прикрытое сшитой из той же ткани, что и покрывало, накидкой. Все вроде бы и домашнее, чистое, но какое-то несовременное и унылое, несмотря на попытки хозяйки создать уют. Старые вещи вызывали смутные воспоминания детства, которое сейчас, через призму современного изобилия, виделось Марине не таким уж счастливым. Будь обстановка в комнате чуть ярче и современней, глядишь, и перспектива провести в этих местах неделю не казалась бы такой удручающей.

– Ну как, разобрались?

Дверь в комнату распахнулась и без стука вошла хозяйка. Марина вздрогнула от неожиданности и с неприязнью подумала, что, если у тетки есть такая привычка – врываться без предупреждения, им с Алексеем тут житья точно не будет. Впрочем, чего можно ожидать от пожилой женщины, одинокой уже не один десяток лет?

– Обед на столе! Идите мойте руки, – объявила хозяйка и, не дождавшись ответа, вышла.

– Я не хочу есть! – запротестовала Марина.

– А придется. Не обижать же тетю! – строго, словно отец, возразил Алексей и, взяв Марину за руку, повел в светлую чистую кухню.

* * *

– Совсем-совсем ничего? – растерянно спросила Олеся и закусила губу, как в детстве, когда готова была расплакаться. Ярослав помнил эту ее особенность, и на какой-то момент ему показалось, что не было оставленных позади двух десятков лет. И что сейчас по бледной щеке покатится первая слеза, прозрачная и сверкающая, как чистой воды алмазная капля. Но Олеся, развевая морок воспоминаний, улыбнулась – краешками губ, огорченно и одновременно недоверчиво.

– Там никого не осталось из прежнего персонала. Заброшенное здание, пустующее много лет, что ты хочешь…

– А ты бы поспрашивал, – вскинула она на него глаза – то ли в некой надежде, то ли в легком упреке. Ярослав в первое мгновение не нашел, что ответить. У Олеси были удивительные глаза, цвета меда, с темными, будто веснушки, крапинками. В зависимости от того, глядела ли она на свет или оставалась в тени, глаза ее казались то светло-прозрачными, словно липовый мед, и тогда крапинки резко выделялись на основном фоне радужки, то темнели до цвета гречишного.

– Я спрашивал. У местных. Надо архивы поднимать. Вот…

Он суетливо достал из кармана смятую бумажку и аккуратно разгладил ее на пластиковой столешнице.

– Мне удалось получить телефон одного архива, в котором, возможно, хранится документация. Ты не волнуйся, я позвоню, а потом съезжу и все узнаю.

Ярослав протянул через стол накрыл прохладные пальцы Олеси. Она не отдернула руку, но напряглась вся, как натянутая струна, и он поспешно убрал ладонь.

– Мы съездим вместе, – тихо, но твердо ответила Олеся после недолгой паузы. Ему эта идея не понравилась из-за целой кучи причин, которые, впрочем, сходились в одной точке – состояние ее здоровья. Ехать нужно в другой город. А это тебе и долгая дорога, и гостиница, и отсутствие в случае чего квалифицированной медицинской помощи. Он открыл было рот, чтобы возразить, но Олеся уже не смотрела на него. Погрузившись в свои размышления, она задумчиво помешивала трубочкой и так уже растворившийся сахар в стакане с апельсиновым соком и казалась отсутствующей. Была у нее такая странная особенность – посреди оживленного разговора вдруг уходить в свои мысли, а потом так же внезапно «пробуждаться» и извиняться смущенной улыбкой. Сентябрьское солнце, застенчиво заглядывающее в окна кафе, то пряталось в каштаново-рыжих волосах Олеси, то выныривало из их волн, и тогда казалось, что над ее головой золотится нимб. Ярослав пожалел, что нет с ним сейчас его камеры, чтобы запечатлеть этот дивный кадр во всех его осенних красках. Он любил фотографировать Олесю, она была его Музой, но только снимать ее нужно было незаметно. Позировать она не умела – зажималась, кривила губы в неуверенной улыбке, прятала свое внутреннее «я» за семью замками, будто реликвию, и становилась чужой. Даже цвет волос ее тускнел, а глаза словно серели, теряли не только цвет, но и крапинки. В чем была причина таких метаморфоз, ни Ярослав, ни Олеся не знали. Он огорчался и сердился, рассматривая в окошечке камеры кадры, она же заливисто смеялась над своей нефотогеничностью и опять становилась сама собой. И Ярослав, мгновенно бросая рассматривать неудачные снимки, щелкал кнопкой, торопясь запечатлеть ее настоящую, ее истинное «я», выглянувшее, словно солнце из-за облака, с заливистым смехом. Олеся закрывалась одной рукой, махала на него второй и еще больше раззадоривалась. А он, как одержимый, щелкал и щелкал…

– Слав, так когда ты позвонишь в архив? – спросила она, выныривая внезапно из своей задумчивости, будто разбуженная громким звуком.

– Завтра утром.

– Завтра? Дай мне телефон, я сама позвоню сегодня, – проявила Олеся нетерпение. – Я не так занята, как ты.

– Я знаю, знаю, – ласково улыбнулся он. – Но архив уже закрыт. И притом мне приятно сделать что-то для тебя.

– Ты и так делаешь все. Живешь ради меня и моей жизнью, – огорченно сказала она, опять взбалтывая трубочкой сок. – Только я и фотографии…

– А мне большего не надо.

– Это неправильно! Так не должно быть, ты не можешь всю жизнь быть привязанным ко мне! У тебя есть свои мечты и желания. Ты – молодой здоровый мужчина, привлекательный и…

– Тш-ш, – перебил он и вновь накрыл ее пальцы ладонью. – Не нервничай. Со своей жизнью я как-нибудь разберусь. Сейчас у меня на первом месте другие задачи, понимаешь? И меньше всего я желаю, чтобы ты чувствовала себя виноватой. Это меня лишает опоры.

– Я постараюсь.

– Вот и умница!

– Слав… – начала она и замялась. – Ты только позвони прямо с утра, пожалуйста. Это очень важно. Понимаешь, я не могу долго ждать.

Ярослав и сам понимал, что дело не терпит отлагательств, но что-то в ее тоне появилось новое. Не простое женское нетерпение, а сильное беспокойство.

– Что-то случилось? – прямо спросил он, глядя в ее потемневшие глаза.

– Нет, – ответила Олеся после паузы. – Это просто мои настроения, которыми не хочется тебя огорчать…

– Ты должна мне рассказывать все! – воскликнул Ярослав, досадуя на ее деликатность. – Иначе, если я не буду знать всего, как смогу помочь? Мы же одна команда, одна семья, и у тебя есть только я!

По ее лицу промелькнула тень, словно его последние слова вызвали у нее неудовольствие. Но спорить Олеся не стала. Вместо этого решительно произнесла:

– Время пришло. Мне недавно исполнилось двадцать семь. И до двадцати восьми, как мне предсказали, я не доживу.

– Не говори так!

Олеся успокаивающе тронула его за руку, потому что на него оглянулись все немногочисленные посетители кафе, и Ярослав замолчал. Только раздувающиеся ноздри и плотно сжатые губы выдавали в нем рвавшуюся наружу бурю чувств.

– Все, что было предсказано, уже сбылось, – уставшим голосом напомнила она. – Абсолютно все.

– Будь проклят тот день, когда все началось!

– А что бы это изменило, Слав? Ничего. Только то, что мы бы пребывали в неведении.

– Я бы предпочел не знать.

– Не зная, лишаешь себя возможности подготовиться.

– К чему?! К потере любимых?! К этому невозможно подготовиться! Ты же знаешь.

– Ох, Слава, Слава… – улыбнулась Олеся так светло и по-доброму, будто речь шла о чем-то радостном и волнующем, например, о давно запланированном путешествии, а не о смерти. И Ярослав рассердился. Во всем виноваты книжки, которых она начиталась! Сектантские какие-то, прости господи, иначе и не назовешь. Совсем запудрили ей мозги, пообещали ей вечную счастливую жизнь «там». А жизнь-то – тут! Здесь и сейчас! Но попробуй это Олесе докажи, когда об оставшемся ей времени она говорит так просто, словно и правда живет в радостном ожидании финального момента.

– Не сердись, – мягко попросила Олеся, угадав его мысли. Заглянувшее в окно солнце вновь пробежалось по ее волосам золотистыми искорками. И гнев как-то враз ушел. Ярослав

поник и, признавая поражение, кивнул. Может, Олеся, читая книги о бессмертии души, как раз и права. Права в том, что выбрала вместо истерики и агонии смиренное ожидание финала. Как бы на ее месте вел себя он, если бы это над ним, а не над ней, висел страшный приговор? Но раз Олеся затеяла поиски и просит его поторопиться, значит, она не смирилась, решила бороться? Он вскинул на нее глаза, но Олеся одной фразой убила его надежду:

– То, что запланировано, случится, Слав.

– Не будь такой фаталисткой! Иначе зачем нам тратить силы? Я думал, что ты будешь бороться!

Она вздохнула:

– Слав, я и так всю жизнь борюсь. И вы – вместе со мной.

– Да, да, я знаю. Прости.

– Я хочу найти человека, которому сейчас должно быть немногим больше двадцати. Может, я не могу изменить свою судьбу, но его – попытаюсь.

– Но как ты его найдешь, если не знаешь не только имени, но даже пола! И в каком городе ее или его искать? Олеся, понимаешь, что ты задумала невозможное?

– Я верю в то, что раз наши пути однажды скрестились, то это может произойти снова. Раз начался обратный отсчет и ничего изменить нельзя, то это место позовет его или ее.

– Ну, найдешь… А дальше что?

– Не знаю, – призналась Олеся.

– Ты слишком много на себя берешь.

– Я не такого ответа жду, Ярослав, – упрекнула она. – Просто скажи, что мы справимся.

– Обязательно! – ответил он и, привстав, обнял ее. Олеся доверчиво прижалась к нему и обхватила руками. Как когда-то в детстве, во время сильной грозы, которой боялась.

* * *

Алексей уже давно тихонько сопел, отвернувшись к «ковровой» стене, а Марина все крутилась без сна. Ей было неудобно, наполнитель матраса будто неравномерно сбился в плотные комки, подушка казалась излишне плоской. Возможно, что причина ее бессонницы – в непривычно тяжелой еде. Марина почти никогда плотно не ужинала, ограничивалась йогуртом или зеленым яблоком, а тут, нагулявшись на свежем воздухе, да еще не смея возразить строгой хозяйке, умяла большую порцию омлета из деревенских яиц, два ломтя хлеба и запила все прохладным густым молоком. Еще ей не давали уснуть тревога и страх, – это с нею случалось, но не так уж часто, только тогда, когда они с Алексеем смотрели перед сном какой-нибудь «ужастик». Но сейчас видимых причин для страха не было. Более того, этот день, начавшийся для Марины неприятно, в итоге закончился хорошо.

Странно было думать, что еще сегодня, дорассветным утром, они, нервничая и переругиваясь, собирали впопыхах чемодан, докладывая в него забытые вещи, потом ехали по пробкам на такси на автовокзал, едва не опоздали, но успели в последний момент вбежать в автобус. Утомительная дорога с остановками в провинциальных городках, и они, уставшие и измотанные, наконец-то высадились на нужной станции. Когда Марина сошла с приступки на растрескавшийся асфальт и огляделась, ей показалось, будто они не просто пропутешествовали на автобусе, а провалились в портал, вынесший их то ли в другое время, то ли чужое измерение. Перрон оказался таким маленьким, что на нем с трудом могло уместиться лишь с полдюжины человек. А в здании вокзала все отчаянно кричало о капитальном ремонте – от осыпавшейся с крыши черепицы, валяющейся на земле мелкими остроугольными осколками, до заделанных фанерой разбитых окон и трещин, исполосовавших фасад. «Лицо» у поселка, в котором им предстояло провести отпуск, оказалось безобразным, как у выжившей из ума неухоженной старухи. Машины, редко снующие по дороге без разметки, были такими же аварийными и

убогими, как и здание автовокзала: разбитые неотремонтированными дорогами, с проржавевшими днищами, натужно кашляющие выхлопными трубами, как туберкулезники, – доживающие последние деньки старики советского автопрома. «Потом будет лучше», – сказал Алексей, заметив, как панически расширились глаза Марины. Слабое утешение… Его, в детстве не одно лето проведшего в этих местах, глубинка манила, как ребенка – сундучок с сокровищами. В данном случае его «сокровищами» были воспоминания о непонятных Марине прелестях деревенской жизни вдали от цивилизации и магазинов. Ну, чем привлекательна рыбалка, – предрассветным подъемом? Жестяной банкой с накопанными извивающимися червями? Долгим-долгим просиживанием на берегу заросшей камышом и тростником речушки в ожидании, когда мелкая рыбешка, годная разве что коту на корм, клюнет на наживку? Нет, никогда ей не понять этого!

Но после того, как они разложили вещи и плотно пообедали теткиными невероятно вкусными щами с густой деревенской сметаной и домашним ягодным пирогом, Алексей предложил пройтись по окрестностям. Марина чувствовала себя уставшей, но согласилась, и, как выяснилось, не зря, потому что прогулка начисто стерла остатки ее дурного настроения. Сентябрьское солнце, в этих местах казавшееся ярче, чем в затянутой смогом столице, выглянуло из-за облаков, заиграло в позолоченных верхушках деревьев, и в его лучах пейзажи стали выглядеть куда жизнерадостней. Конечно, деревня не Европа и не морской курорт, и недостатков в таком отдыхе – масса, но и плюсы тоже можно отыскать. К последним относился чистый прозрачный воздух, напоенный кислородом и горьковатым ароматом трав, который с непривычки вдыхаешь жадно и часто – до легкого головокружения. Еще один плюс – местная пекарня с маленьким магазинчиком, в котором они купили большой крендель и съели напополам с таким аппетитом, будто и не было до этого плотного обеда и чая с пирогом. Алексей сказал, что в магазин за хлебом нужно вставать рано, иначе не достанется. Он здесь самый вкусный на земле, выпекался огромными буханками, которые можно сжать, и они тут же примут первоначальную форму. Мякиш, опять же по воспоминаниям Алексея, был крупнопористым, ароматным и долго не остывал. Леша так аппетитно рассказывал о хлебе, которым лакомился в детстве, что Марина твердо решила встать утром как можно раньше.

Потом они посидели на берегу речки, наблюдая за рыбачившими неподалеку местными мужиками и за ребятишками, плещущимися в воде у противоположного берега – пологого, с крошечным песчаным пляжем. Алексей мечтательно высказал желание тоже порыбачить и вспомнил, что где-то в чулане у тетки должны остаться его удочки. Марина в ответ пожала плечами: насаживать червей на крючок и часами сидеть в неподвижной позе на берегу – к этому она еще не готова.

После речки они прошлись по коротким улицам, сплетающимся в незатейливый, словно вывязанный начинающей мастерицей узор. Поселок делился на старую часть и новую, которые местные жители именовали «деревенская» и «городская» соответственно. Старая часть, в которой жила родственница Алексея, – частный сектор, одноэтажные домишки, садово-огородные участки, неасфальтированные дороги, которые то и дело перебегали куры, и колонки, так и оставшиеся со времен, когда дома были лишены водопровода. В «деревенской» части жизнь будто отстала на полвека, и этот мирок, такой незнакомый столичной жительнице, одновременно и вызывал неприязнь, и завораживал. Марина во время прогулки вертела головой по сторонам, с жадным любопытством рассматривала чужую жизнь за сетчатыми или деревянными заборами. Новая же часть поселка была заложена еще в восьмидесятых годах и представляла собой пару выстроенных, будто под гигантскую линейку, улиц с пятиэтажками, асфальтированными тротуарами (правда, с огромными дырами и невысыхающими даже в летнюю жару лужами в них). Алексей рассказал, что когда-то этот район считался престижным, люди изо всех сил старались получить квартиру в одной из пятиэтажек и готовы были обменивать дома с участками на однушку.

Потом, после прогулки, был ранний ужин, и тетка, поначалу показавшаяся Марине неприветливо-сухой, вдруг в тихих сумерках отмякла и охотно вступила в разговор. Наталья обращалась в основном к племяннику, почти игнорируя его спутницу, но Марину, плавающую в приятной сытой полудреме, это нисколько не задевало. «Идите-ка отдыхайте уж!» – встрепенулась тетка, заметив, как гостья в очередной раз зевнула.

Марине казалось, что она уснет, едва коснувшись щекой подушки, но, однако же, сон пропал. Часы на кухне пробили час. К чувству тревоги примешалось и противное, как налипшая на лицо паутина, ощущение, что кто-то на нее смотрит. Холодный свет от полной луны просачивался в комнату сквозь неплотно задернутые шторы и струился по темным половицам серебристым ручьем. Марина встала и поежилась от усилившегося чувства, будто некто сверлит взглядом ее спину. Вдоль позвонков прошелся холодок страха, она резко оглянулась и вскрикнула от испуга, увидев, что глаза дамы с фотопортрета блеснули ледяным светом.

– Леш, – тихо позвала Марина, не сводя взгляда с портрета. – Леш…

Но он не проснулся.

Марина крепко зажмурилась и вновь открыла глаза. Ничего теперь странного. Значит, просто игра лунного света. Она на цыпочках подкралась к портрету и тронула его ладонью. Рамка под рукой оказалась прохладной, а вот стекло, которое скрывало увеличенную фотографию, – неожиданно теплым. Марина испуганно отдернула ладонь, а затем, поддавшись внезапному решению, повернула портрет лицом к стене. Вот так. Марина победно ухмыльнулась, вернулась в кровать и на этот раз уже быстро уснула.

Глава 2

Дверь захлопнулась с громким стуком, заставившим Олесю испуганно вздрогнуть. И следом наступила тишина, плотная, как ватное одеяло, отрезавшая ее от внешнего мира. Но уже через мгновение раздался звонкий стук капель, будто кто-то оставил кран приоткрытым. Олеся настороженно огляделась в тусклом, давящем на глаза свете единственной лампочки, висевшей под бетонным потолком на черном шнуре. Помещение оказалось маленьким, квадратным и пугающе пустым. Только по серым влажным стенам были протянуты трубы, изгибающиеся под прямым углом и уходящие в потолок. На одних трубах, потолще, Олеся увидела круглые краны. Из одного и правда сочилась вода, и на известковом полу образовалась кроваво-ржавая лужица. Олеся невольно поежилась. От страха она дышала часто и громко, через рот, будто после быстрой пробежки. И в этой зловещей тишине, нарушаемой лишь ритмичным звуком капель, ее дыхание звучало пугающе громко. Нужно успокоиться. Раз она сюда пришла, то надо идти вперед.

Напротив двери, в которую вошла Олеся, виднелась вторая, только уже не деревянная, а металлическая, выкрашенная в бурый цвет. Что за ней находится, Олеся не знала, но, как зверь, чувствовала опасность. А что, если по трубам течет не вода, а кровь любопытных девочек? И дверь выкрашена не краской, а побуревшей кровью? Олеся испуганно прикрыла рот ладошкой, потому что вместе с шумным дыханием из груди вырвался вскрик. Желание повернуть назад стало таким крепким, что она чуть не поддалась ему. В последнем порыве, судорожном, как рывок увязающего в трясине человека, она коснулась ржавой скобы. И руку, словно током, пронзило болью. Дыхание перехватило, когда от ног к затылку прошел еще один разряд. И с вырвавшимся криком – высоким, пронзительным, вибрирующим на верхней ноте, часть боли наконец-то выплеснулась наружу.

– …Олеся? – раздался испуганный голос, в комнате вспыхнул свет. – Ты закричала. Тебе плохо?

– Нет, мне просто приснился кошмар, – нарочито ровным голосом ответила она, подслеповато щурясь.

– Ты кричала как от боли! – продолжал настаивать Ярослав, маячa в дверях ее комнаты. Прежде чем прибежать на крик, он успел сорвать со своей кровати покрывало, и теперь стоял, завернутый в него с головой, будто в дождевик. Олеся нащупала выключатель и погасила общий свет, а затем включила настольную лампу. Вот так уже лучше.

– Я от боли не кричу, – грустно усмехнулась она и ласково попросила: – Слав, иди, я в порядке.

– Тебе ничего не надо?

– Ничего. Правда. Спи.

– Ну, если так… – В его голосе проскользнуло разочарование. Но закончил Ярослав на бодрой ноте: – Ты тоже отдыхай. Без кошмаров!

– Спасибо. Спокойной ночи.

– Я утром уеду.

– Я помню. Не беспокойся.

Он наконец-то ушел, и Олеся, прикрыв глаза, перевела дух, вкладывая в этот долгий и осторожный выдох часть боли. Иногда ей помогала медитация. Олеся представляла себе боль не как нечто абстрактное, а в виде рассеянного по телу дыма, мысленно собирала ее в плотный черный сгусток и выдыхала постепенно и медленно. Но для медитации ей нужно было остаться одной. Ярослав бы только мешал: обеспокоился, побежал бы за лекарствами, захотел бы позвонить врачу. Такая суета растянулась бы надолго и отняла драгоценное время, когда болью еще можно управлять. Олеся откинулась на подушку, вытянула под одеялом ноги, при-

крыла глаза и медленно вдохнула, стараясь представить боль, уже поднимающуюся от лодыжек к коленям, в виде темно-серого дыма. Ей это удалось, но «дым» уже струился выше – от колен к бедрам. Боль всегда была подобна разбегающемуся по сухой траве огню: вовремя не погасишь – поглотит все на своем пути. Похоже, Олеся опоздала: проснулась чуть позже, чем следовало, потратила драгоценные секунды на разговор с Ярославом. Уже ломило поясницу, и Олеся поерзала, стараясь принять удобное положение и борясь с желанием дотянуться до ящика с таблетками и выпить сразу две капсулы. Она так и делала до недавних пор, но после таблеток следующий день превращался в размытое серое марево. В ее положении слишком дорого тратить даже день на аморфное существование. Задержав дыхание, Олеся переждала еще один приступ боли и вновь сосредоточилась. Не сразу, но ей удалось собрать рассеянный по телу «дым» в необходимый «сгусток». Вот так, уже хорошо, а теперь вытолкнуть его из тела. Только бы Ярослав вновь не пришел и не помешал, иначе все усилия напрасны. Олеся дышала так осторожно, будто шла по узкому шатающемуся мостку с низкими веревками-перилами над пропастью. Вдох-выдох – еще один шажок вперед, к берегу, на котором зеленеет трава и светит солнце. Вдох-выдох…

Как странно, что этот сон, который она видит с детства, всегда обрывается на одном и том же месте – возле выкрашенной в бурый цвет двери. Сколько уже раз Олеся пыталась настроить себя так, чтобы наконец-то заглянуть за ту загадочную дверь, даже читала специальные методики по вызыванию сознательных снов. Но единственное, что ей удавалось – вновь оказаться в уже знакомом сновидении и проснуться от прикосновения к дверной ручке. А ей нужно увидеть, сейчас – как никогда, – что находится дальше! Может быть, за этой дверью ее ожидает погибель, поэтому подсознание не пускает ее дальше?

Вдох-выдох… Последний сгусток боли вышел из тела, как заноза, и Олеся, вытерев отяжелевшей от усталости ладонью пот со лба, слабо улыбнулась. Получилось. Теперь боль не вернется еще сутки-двое. Олеся машинально потерла правую ладонь, на которой еще слегка зудел шрам в виде скобки, и пошевелила пальцами ног под одеялом: как приятно чувствовать, что тело подчиняется ей, а не боли. Что оно ей вообще подчиняется. Олеся взяла с тумбочки мобильный и посмотрела на часы: почти четыре. А затем, бросив взгляд на прикрытую дверь, словно желая убедиться, что за ней не подглядывают, вышла с телефона в Интернет. Легкий вздох разочарования вырвался из груди, когда она убедилась в отсутствии сообщений. Ответа она ожидала уже два дня и, судя по всему, напрасно. Тогда Олеся зашла на форум и прочитала все последние публикации, не столько интересуясь их содержанием, сколько желая узнать, не оставил ли комментариев нужный ей человек. В последний раз на сайте он был вчера, значит, ее сообщение не мог не увидеть. Но, похоже, сообщение Олеси его не заинтересовало.

Вернув телефон на тумбочку, Олеся выдвинула ящик и взяла лежавшую поверх упаковок с лекарствами «общую» тетрадь, чьи замусоленные картонные корочки для сохранности она вставила в дерматиновую обложку. Когда-то эту тетрадь – свой дневник – она тщательно прятала, а сейчас, наоборот, держала под рукой, надеясь восстановить подзабытые подробности.

«…Сегодня на завтрак опять была манная каша с комками. Ненавижу! Зато дали булку вместо бутерброда с маслом. Петров опять толкнул меня. Ира С. говорит, что я ему нравлюсь. Дурак какой-то!..» – прочитала Олеся первый абзац наугад открытой страницы. До сих пор, хоть прошло шестнадцать лет, помнила она и Петрова, и ту склизкую комковатую кашу, которую сложно было проглотить: горло, протестуя против ненавистного блюда, сжималось, и каша лезла обратно. Олеся помнила, как держала ее долго во рту перед тем, как проглотить, и от отвращения на глаза наворачивались слезы. А вот Петров, наоборот, казенную манку наворачивал за обе щеки, тугие и румяные, как яблоки. Он вообще любил поесть, сметал все, что давали, и еще выпрашивал добавки. А если не получал, то клянчил у других детей недоеденное. Олеся с удовольствием отдавала бы ему свою порцию, если бы воспитательница строго за этим не следила.

Она перевернула страницу и прочитала следующую запись, касающуюся уже купания в местной речке. Этот дневник Олеся вела на протяжении месяца жизни в санатории, записывая в него любые мало-мальские события. Тогда она, одиннадцатилетняя девочка, не знала, что спустя шестнадцать лет этот дневник станет для нее одной из возможностей разгадать странное событие, о котором в тетради не упоминалось ни слова, но которое сдвинуло с места лежащий на верхушке горы камень.

* * *

Марину разбудило неприятное ощущение, будто к щеке приложили что-то холодное.

– Лешк, перестань, – не открывая глаз, зло буркнула она. Но в ответ Алексей не захихикал и вообще никак не отозвался. Марина легонько шлепнула себя по щеке, ничего на ней не обнаружила и только после этого открыла глаза. Первое, что она увидела, – даму, глядевшую на нее с портрета неодобрительно и сурово. От неожиданности Марина вздрогнула, но постаралась успокоить себя мыслью, что это Лешка, проснувшись раньше, повернул портрет как надо.

Зеркало, висевшее над умывальником из белого фаянса, без всяких прикрас отразило синие тени под глазами и излишнюю бледность, которую Марина обычно маскировала румянами. Собственный вид Марине не понравился, она отвела от зеркала взгляд и открутила кран до упора. Чтобы пошла горячая вода, нужно было предварительно включить газовую колонку, но Марина решила не заморачиваться. Холодная вода не только взбодрила ее, но и «разбудила» легкий румянец. Марина насухо вытерла лицо полотенцем, нанесла увлажняющий крем и этим ограничилась: отпуск она решила провести без косметики. Пусть лицо отдыхает: загорает под мягким сентябрьским солнцем и дышит напитанным кислородом деревенским воздухом. Укладывать волосы, подстриженные каре, Марина тоже не стала, просто прошлась по ним щеткой. Ей повезло, что волосы от природы были гладкими, густыми и тяжелыми, поэтому отлично держали форму стрижки.

У плиты уже хлопотала Наталья и на приветствие ответила, не прекращая дела. На разделочном столе стояла глубокая миска, полная испачканных землей огурцов с капельками влаги на пупырчатых боках. Рядом лежал пучок укропа с крупными головками-зонтиками и толстыми желтоватыми стеблями.

– Огурцов вам намалосолю, – пояснила тетка, перехватив ее взгляд.

Алексей, уже сидевший за столом, проурчал что-то одобрительное и с улыбкой похлопал ладонью рядом с собой по лавке, приглашая Марину.

– Вот вам к завтраку, – сказала Наталья и сняла с выставленной на стол миски льняную салфетку, под которой оказалась горка пышных золотистых оладий. «Я тут за неделю растолстею кило на десять!» – простонала мысленно Марина, но положила себе на тарелку сразу четыре оладьи.

– И сметану бери! Местная, деревенская, у вас такой в столице точно нет! У вас там продают какую-то разбавленную кислятину, а не сметану. А эту хоть ножом режь и на хлеб намазывай.

Марина положила себе три добрых ложки сметаны из подвинутой к ней пиалы. Если уж начала «грешить», то греши до конца, со вкусом и без угрызений совести.

– Тетя Наташа, а чей это у вас портрет в спальне висит? – спросила она чуть позже, когда с первой порцией оладий было покончено. – Ваша бабушка?

– Да не, какая бабушка! – махнула рукой хозяйка. – Даже не родственница. Так, купила.

– Я бы не стала вешать у себя в доме портрет неизвестного человека, – осторожно заметила Марина и невольно поежилась, вспомнив пережитое ночью «приключение».

– Ну, я бы не сказала, что это такой уж неизвестный человек. В наших местах известный, – заметила хозяйка и наконец-то присела за стол. Но завтракать не стала, только налила себе из глиняного кувшина воды в стакан и сделала два жадных глотка.

– Это фотопортрет Дарьи Седовой, которая организовала больницу для бедных. Она вышла замуж за генерала Седова и вскоре овдовела. В наследство ей остался дом в столице и загородная усадьба. Детей родить не успела, замуж повторно не вышла. Утешала себя тем, что помогала бедным. Вон, усадьбу отдала под больницу. У нас ее почитают за святую. Даже в церкви служат молебен по ней.

– А сейчас в усадьбе тоже больница? – спросила Марина.

– Нет. Давно пустует. Был в ней санаторий для детей. Но недолго. Потом и его закрыли. А портрет я купила на рынке. Сказали, что он висел еще в больнице. Потом, после революции, усадьбу себе большевики присвоили и многое расхитили, а фотографии и портреты, какие были, уничтожили. Историю учили-то, сами понимаете, какие были времена. Только этот портрет чудом уцелел.

– Так он же настоящая реликвия в таком случае! – ахнула Марина. – Ему бы в музей…

– Да какое там – в музей, – поморщилась тетка. – Вон усадьба-то – самый что ни на есть музей. И что? Сгнивает себе, разрушается, и никого это не волнует. Вот если вдруг когда ею кто умный и толковый займется, так я этот портрет обратно передам. Даже бесплатно, хоть отдала за него большущие деньжищи. Все, что на телевизор новый копила. Да ну и не жалко! Зато реликвия вон она, на стене висит! Все же лучше, чем у кого-то на чердаке пылится.

– А далеко эта усадьба отсюда? – поинтересовался Алексей.

Тетка ответила, что минут сорок пешком.

– Понятно, – обрадованно кивнул он, достал смартфон и загрузил гугл мапс. – Ну-ка, посмотрим…

– Ты что, собираешься туда идти? – нахмурилась Марина.

– А что? Тебе не интересно?

– Ну, не знаю… – неуверенно протянула она. Впрочем, делать в деревне нечего, все пути-дороги они уже исходили накануне. – Я вообще-то за хлебом собиралась.

– Да поздно уже, – сказала тетка, бросив быстрый взгляд на часы с кукушкой. – У нас тут, чтобы все успеть, принято подниматься рано и к завтраку уже кое-какие дела заканчивать.

– Это что, в пять утра надо вставать, чтобы за хлебом успеть? – недовольно поинтересовалась Марина. Часы показывали только начало девятого.

– В пять не в пять, но собираться быстро. Встала и, не завтракая, сразу в магазин. Хлеб тут быстро расхватывают.

– Значит, сегодня мы без него.

– Как же! – усмехнулась хозяйка и приоткрыла крышку деревянной хлебницы. – Вот он, голубушек, свежий и еще горячий. Сама сходила. Намазать к чаю маслом?

– Те-етя, в нас уже не влезет, – простонал Алексей. – Я твоих оладий штук пятнадцать, не меньше, съел. Лучше возьмем с собой бутерброды.

– А это конечно! Без еды вас не отпущу. Но к обеду все равно возвращайтесь: я куриного супа наварю и жаркое сделаю.

– Не обещаем, тетя, – покачал головой Алексей. – Если мы в усадьбу пойдем, это сорок минут туда, сорок обратно, да еще там погулять… А вдруг еще куда решим зайти? Ты лучше нас не жди к обеду.

– Но суп все равно сварю, он и на ужин, если что, пойдет. С чем бутерброды вам сделать? С сыром, холодной бужениной?

– И с тем, и тем! – весело ответил Алексей и спросил у Марины: – Сколько тебе надо на сборы?

– Нисколько. Я только куртку возьму.

– Отлично! Захвати в комнате и рюкзак с камерой. А я пока помогу тут тете.

К старой усадьбе вело две дороги. Одна – от железнодорожной станции через огромный лесной массив по двухкилометровой аллее, проложенной еще при первых хозяевах поместья. Но станция находилась в одном из соседних поселков, до которого нужно было ехать на автобусе. Ждать транспорта ни Алексей, ни Марина не пожелали и остановились на втором варианте – идти проложенными вдоль реки и через поле узкими тропами. Алексей настроил в смартфоне навигатор, и они отправились в дорогу. До территории усадьбы дошли они только через час, хоть изначально навигатор и обещал путь в сорок минут: один раз сбились с дороги, выбрав на развилке не тот поворот, да один раз присели в теньке отдохнуть и утолить жажду прохладной водой из бутылки.

– Понесла же нас нелегкая, – ворчала Марина последнюю треть пути, досадуя и на себя, и на жениха. Ну что им на месте не сиделось? Сходили бы к реке и вернулись домой. Делать, конечно, все равно нечего. Но можно было бы просто поваляться на старой раскладушке в огороде и почитать книгу.

Алексей, удивительно, не стал вступать с нею в перепалку, хоть обычно начинал спорить и доказывать обратное. Сейчас он просто молчал и улыбался своим мыслям, поглядывая на распогодившееся небо и жмурясь от лучей проглядывающего сквозь облака солнца. Вид у него был совершенно счастливый, как у предвкушающего незабываемые приключения ребенка. Марина взглянула на Лешу – сначала с хмурым недовольством, потому что не разделяла его радости. А потом – уже залюбовавшись, потому что в его лице прорезались новые, незнакомые ей черты. Она уже давно не рассматривала его вот так, украдкой, словно воруя короткие мгновения счастья: их отношения длились пять лет, и острота первых открытий уступила место привычке. Марине уже думалось, что в лице ее спутника не осталось для нее неоткрытых тайн, она зачастую скользила по нему рассеянным взглядом, не фиксируясь на деталях, как прохожий, идущий изо дня в день по избитому маршруту и не замечающий окружающей обстановки. Но сейчас она с удивлением обнаружила, что лицо ее жениха не просто симпатичное, а красивое. Таким оглушающе красивым Алексей казался ей в уже подзабытый период тайной и от этого по-особому острой в него влюбленности, когда они еще не были парой. Познакомились они в университете. Марина поступила на первый курс, а Алексей уже писал дипломную работу. В тот день, один из первых ее учебы, Марина опоздала на занятия и потерялась в огромном здании университета, а Алексей отвел растерянную первокурсницу в нужную аудиторию. Ее спаситель показался ей тогда таким красивым, что Марина промечтала о нем всю лекцию и потом тайно выглядывала на переменках, желая снова встретиться и умирая от мысли, что он при встрече ее не вспомнит. Вспомнил. Но отношения завязались уже к концу учебного года, когда Алексей наконец-то сделал выбор в пользу Марины и расстался со своей постоянной девушкой. За эти пять лет они пережили всю шкалу погодных условий – от теплых солнечных дней с многообещающим легким бризом до штормовых предупреждений, от ураганных, все разрушающих порывов до полного безветрия, в котором отношения, лишенные свежего воздуха, застывали. Марина была импульсивной и обидчивой. Алексей – упрямым и нетерпеливым. Он быстро уставал от ее капризного характера. Она же быстро уставала быть без него и звонила первой, забыв о гордости. Иногда ей казалось, что он ее вовсе не любит. Иногда – что не любит она. Но чаще всего – что они созданы друг для друга, как две шестеренки часового механизма. Алексей с ней соглашался, но шутил, что от разных часов. Вот и притираются «шестеренки», стирая острые зубчики, а то и вовсе ломая их. И когда Марина уже решила, что их отношения и в самом деле зашли в тупик и никогда не получат желаемого ею развития, Алексей сделал ей предложение. Она вспомнила сейчас о том чудесном дне, который начинался совсем обычно, улыбнулась и вновь украдкой взглянула на своего спутника. Морщинка меж бровей, которая проявлялась в часы напряженной работы или во время споров, разгладилась, голубые глаза казались ярче неба. Очки в золотой оправе сползли на кончик тонкого носа, волосы растрепа-

лись, на губах появилась легкая улыбка… Он был сейчас похож на рассеянного обаятельного ученого в команде искателей приключений.

– Ты в порядке? – спросил вдруг Леша.

– Да. А что?

– Ты замолчала. До этого всю дорогу бурчала и вдруг стихла.

– То есть когда я бурчу, значит, в порядке, а если молчу – то нет? – съязвила Марина.

Алексей, будто желая поддразнить ее, пожал плечами:

– Ну, бурчать – это твое обычное состояние.

– Ах, вот как… – От проблесков хорошего настроения не осталось и следа. Душу опять затянули грозовые тучи с угрожающе сверкающими сквозь них молниями. А Алексей вдруг вскинул, словно ружье, камеру и сделал несколько снимков Марины.

– Перестань!

– На-ка, посмотри! – Он развернул к ней камеру окошечком.

– Не буду!

– А, по-моему, ты вышла отлично!

– Злая и растрепанная!

– Когда злишься, тоже красивая. Хотя когда улыбаешься – красивей.

– Отстань! – буркнула Марина, но все же, не сдержав любопытства, глянула в окошечко. Ну и что в ней Алексей увидел красивого? Растрепанная! Впрочем, взъерошенные ветром волосы ей, оказывается, очень даже шли. Только всю привлекательность портили нахмуренные брови и недовольно поджатые губы. Марина тронула пальцем межбровье, словно опасаясь, что некрасивая морщинка поселится там навсегда.

– Давай перекусим и пойдем дальше, мы уже недалеко.

– Ешь сам, я не хочу.

– Но от чая не откажешься?

– Не откажусь.

Чай у тетки Натальи – будто эликсир, дающий не только силы, но и заряжающий особым осенним настроением. Не тоскливым, как серое, набухшее дождями небо, а другим: с ноткой ностальгии, растворенной в еще не отцветшей с уходом лета радости, с легкой горчинкой дыма костров, со сладостью и ароматом липового меда. После небольшого отдыха вновь отправились в путь и вскоре пришли к большому, заросшему дикой травой участку, в конце которого виднелось двухэтажное здание, напоминающее бабочку – два крыла и величественная ротонда между ними.

– Это не парадный подъезд, а вид сзади. Здесь когда-то был парк, – пояснил Алексей, успевший уже немного прочитать про усадьбу в Интернете. – К главному входу ведет аллея от железнодорожной станции.

– А внутрь можно будет зайти? – заинтересовалась Марина и щелкнула на мобильный телефон территорию.

– Не знаю, – почесал затылок Алексей. – Может, и да, а может, и нет. Пока ты ходила за вещами, тетка Наталья сказала, что раньше усадьбу сторожили. Охраняли от вандалов и желающих растащить ее на кирпичики. Можно было попросить у сторожей войти внутрь, и они разрешали. А как сейчас обстоят дела – не знаю. На месте сориентируемся.

– Надо будет почитать подробней об этом месте, – сказала Марина, которая всегда заранее изучала путеводители.

– Да, ты права. Как-то спонтанно мы решили сюда прогуляться, не подготовились.

Они прошли через заросший дикой травой бывший парк, в котором нельзя было различить ни клумб, ни газонов, ни дорожек. Пару раз остановились, чтобы сфотографировать каменные беседки, оставшиеся еще со времен первых хозяев, и поглядеть со смотровой площадки на вьющуюся внизу серебристой лентой реку. Марина обратила внимание, что на одном

из столбиков ограждения отсутствует фигура, взглянула вниз и увидела белеющие на каменном выступе осколки бюста. Как жаль! Ведь наверняка эти скульптуры были сотворены каким-нибудь известным скульптором, и хозяева с гордостью показывали их гостям. Воображение нарисовало похожий осенний день, но только из другой эпохи: нарядные кавалеры и дамы с кружевными зонтиками толпятся на этой площадке, разглядывая в монокли реку и обсуждая последние светские сплетни. Птичье пение смешивается с шелестом подолов модных платьев, хрустальным смехом утонченных дам и звоном бокалов с шампанским. И вот прошло более сотни лет. Давно нет в живых тех дам и кавалеров, и атмосфера праздника вместе с ними тоже умерла. И стоит теперь на этой когда-то нарядной площадке обычная девушка Марина в выцветших джинсах и мятой футболке, и грустит о чем-то непонятном, канувшем в прошлое, будто она сама была когда-то одной из тех светских барышень, а теперь вернулась спустя столетие уже не в родной дом, а на его руины.

– Идем дальше? – тронул ее за локоть Алексей. Марина кивнула и в последний раз взглянула на каменные «террасы» и реку. От внезапного ощущения, будто этот вид ей уже знаком, неожиданно закружилась голова. Марина ухватилась рукой за ограждение и прикрыла глаза.

– Ты в порядке? – встревожился Алексей.

– Голова что-то закружилась.

– От высоты. Не смотри больше вниз. Хочешь присесть и переждать, пока тебе станет лучше?

– Нет, со мной уже все в порядке. Пошли дальше.

Издали обветшалость здания не так была заметна, но стоило к нему приблизиться, и все огрехи, вызванные отсутствием ухода, беспощадно обнажились. Стало видно, что белая краска отходит от камня пластами и напоминает чешую, а кое-где и вовсе облетела, обнажив камень. И эти темные пятна на белом показались Марине похожими на изъевший зубы кариес. В вытянутых узких окнах «крыльев» кое-где недоставало стекол, и в рамы была вставлена обычная фанера. С тонкой оградки, выстроенной перед ротондой с купольной крышей, давно слезла краска, а одна ее секция оказалась выломанной. Высокую арочную дверь уродовали две широкие доски, приколоченные крест-накрест, защищающие вход от желающих пробраться внутрь.

– Как жаль, что такое чудесное здание обречено умирать без ухода, – вздохнула Марина.

– Деньги, все деньги. Закончились или не выделили из бюджета – и все, обрекли усадьбу на гибель. Мне кажется, что даже добровольцы перестали за ней ухаживать. Может, убедились в том, что деньги не выделят. Здесь же реставрировать и реставрировать! Все – от здания до парка. Да еще наверняка тут не одно здание, а несколько. Всякие там хозяйственные постройки, флигельки для персонала и беседки.

– Тетка Наталья сказала, что тут был санаторий…

– Ага, для детей с какими-то проблемами. Надо поискать информацию в Интернете, думаю, что-то можно найти.

Они обошли здание и вышли к парадному входу. И снова Марина испытала странное чувство узнавания, на этот раз – когда оказалась на ведущей к подъезду аллее. Ей вдруг показалось, что этой дорогой, заключенной в берега лесов, она уже когда-то шла. Только тогда асфальт был без трещин и выбоин, а гладким, словно его недавно положили.

– Смотри, даже фонтан есть, – воскликнул Алексей, возвращая ее наваждения.

Он уже стоял, широко расставив ноги для равновесия, на растрескавшемся парапете и оглядывал засыпанный мусором и сухими листьями бассейн. Марина подошла к фонтану, и вдруг ей почудилось, что в центре фонтана находится изваяние играющей на арфе девушки, из которого бьют переливающиеся на солнце водные струи. И следом за этим возникла мысль, что тогда фонтан был исправен. Картинка возникла в памяти на мгновение и тут же исчезла, словно некто сменил слайд.

– Здесь была девушка, играющая на арфе, – вырвалось у нее прежде, чем она успела осознать сказанное. Алексей удивленно на нее оглянулся, отчего потерял равновесие и торопливо спрыгнул, но не за парапет, а внутрь бассейна.

– Какая девушка? – спросил он, стоя посреди мусора. Марина, не ответив, качнула головой. Ее охватил озноб, будто откуда-то подул холодный ветер. Она невольно поежилась и сунула ладони под мышки, обнимая себя руками. И только потом спохватилась: о чем она думает? Какая девушка с арфой? В этих местах она впервые. Просто разыгралось воображение, как случилось на смотровой площадке.

– Никакая, – отрезала Марина, потому что Алексей ждал ответа. – Мне просто подумалось, что в центре должна быть какая-нибудь фигура. Почему бы не девушки с арфой?

– Допустимо, – рассеянно согласился он и выбрался наружу.

– Вот бы внутрь попасть, – прошептал Алексей, с интересом рассматривая фасад с разбитыми окнами. Марина ничего не ответила, просто последовала к входной двери.

– Нет, определенно эту усадьбу нужно восстановить. Знаешь, что я придумал? Я выложу в Интернете фотки и опишу подробно это место, добавлю что-то из историй – что удастся найти. И постараюсь привлечь внимание общественности.

Бледное лицо Леши раскраснелось то ли от солнца, то ли от возбуждения, очки съехали на кончик носа.

– Хорошая идея.

Алексей поправил очки и навел камеру на карниз, желая запечатлеть лепнину, а затем сфотографировал угол с облупившейся краской.

– Пойдем, – кивнул он на дверь. – Попробуем войти.

– Это может быть опасно, – засомневалась Марина. – Вдруг там лестницы обвалившиеся?

– А мы осторожно. Это же интересно!

– Леш, знаешь… У меня такое ощущение, что лучше туда не ходить.

– Призраков, что ли, боишься? – хмыкнул он. – Да их нет! Тут точно нет. Тем более при свете дня – какие призраки?

– Я не о призраках. У меня странное ощущение, что я… тут уже была, – призналась Марина с жалобной улыбкой. – Хотя это не так. Не может быть так. Но вот эта аллейка и смотровая площадка мне отчего-то знакомы. Как и фонтан.

– Так может, ты тут и правда была?

– Не уверена. Говоришь, тут был санаторий для детей с проблемами? Так вот, я в санатории не ездила, потому что была здоровым ребенком. В пионерский лагерь – да.

– Может, здесь и пионерский лагерь был?

– Не думаю, – припечатала Марина с неожиданной уверенностью. И поспешно поправилась: – Не знаю. Но все те пионерские лагеря, в которых я была, помню хорошо.

– А может, ты просто где-то видела похожий пейзаж? Ну, аллейку там, площадку, только в другом месте, а эта усадьба тебе об этом напомнила?

– Может быть, – ответила Марина, уже жалея о так неожиданно вырвавшемся признании.

– Но чтобы быть уверенной, надо заглянуть внутрь! Тогда и скажешь, была ты тут или нет, – бодро подвел итог Алексей.

Однако, к его великому огорчению и тихой радости Марины, внутрь попасть им не удалось: дверь оказалась так крепко заколочена, что открыть ее не удалось. Окна на первом этаже были закрыты фанерой, выламывать ее, конечно, не стали. И ничего не оставалось, как покружить вокруг главного здания и сделать побольше снимков. Пока Алексей фотографировал, Марина со скучающим видом рассматривала окна второго этажа – те, в которых еще виднелись стекла. Усадьба ей уже надоела, хотелось домой – лежать на тахте и читать детектив. О том, что до дома идти пешком целый час, она старалась не думать.

– Ты скоро? – поторопила она Алексея, увидев, что он снова снимает терраску на широком козырьке над главным входом.

– Сейчас-сейчас…

Марина не успела рассердиться, потому что в том окне, на которое она машинально перевела взгляд, вдруг показалось чье-то лицо – белое, как лепнина, с искаженными чертами и с редкими, торчащими в разные стороны волосами на почти голом черепе. Онемев и оцепенев от ужаса, она смотрела на это лицо, не в силах отвести от него взгляда, а оно уставилось на нее провалами глаз, в которых клубилась бездонная темнота. И не просто рассматривало Марину, а будто всматривалось ей в душу, выстуживая взглядом и превращая горячую кровь в кристаллики льда. Сколько это продолжалось, Марина не могла сказать, – может быть, всего долю секунды, а может, целую вечность. Оцепенение отпустило ее так же внезапно, как накатило, и она закричала – от ужаса и неожиданной боли, пронзившей тело. Боль была такая, как если бы остроугольные кристаллы льда вспороли изнутри вены и артерии.

– Ты чего?! – испуганно подскочил на месте Алексей и бросился к ней, трясущейся рукой указывающей на окно на втором этаже. К сожалению, он замешкался всего на пару мгновений, не сразу поняв, что от него хотят, но этого времени хватило на то, чтобы лицо исчезло во мраке здания.

– Идем отсюда! Немедленно!

Марина сорвалась с места и, не оглядываясь, бегом кинулась прочь от усадьбы. Алексей догнал ее уже возле беседки и остановил, положив ладонь на плечо.

– Что случилось?

– А ты не видел?!

– Нет.

– И слава богу, что не видел! Я думала, у меня от страха все внутренности разорвутся. И они едва не разорвались. Это было больно – по-настоящему! – Из ее сумбурных объяснений Алексей ничего не понял, но Марина стояла перед ним с бледным от пережитого ужаса лицом и потирала, будто они и правда болели, то одну руку, то другую.

– Хочешь чаю? Немного осталось, – предложил он, заметив, что она передернула плечами от холода.

– Хочу. Но не здесь. Говорила же, что мне тут не нравится!

– Так что тебя напугало?

– Лицо. В окне было лицо. Кто-то смотрел на нас из здания. Вернее, на меня.

– Там никого быть не может, Марина. Ты же видела, здание прочно закрыто.

– И все же там кто-то был!

Алексей лишь скептически поджал губы.

– Так и знала, что ты мне не поверишь. Если бы ты увидел эту рожу, то не кривился так!

– Хорошо, допустим… Допустим, там кто-то был, хоть это и невозможно! Ладно, ладно, возможно… Но не призрак же. Это мог быть бездомный, который забрался в усадьбу. Может, он живет там. И выйти не может. Или, наоборот, знает лазейку, которую мы не нашли.

– И хорошо, что не нашли! – вырвалось у Марины. Но предположение о забравшемся в усадьбу бездомном ее немного успокоило.

Глава 3

Олеся проснулась как обычно, в половине восьмого. Ярослав уже уехал. Вчера за ужином он с восторгом рассказывал о запланированных на это утро съемках за городом на заброшенном заводе. Олесе его азарт был понятен, но восторгов она не разделяла: ее удивляло, что кому-то нравится позировать в уснувших навсегда цехах среди голых кирпичных стен, строительного мусора и проржавевшего оборудования. Ей не нравилось окружать себя «мертвыми» вещами, даже срезанные цветы не любила. Никогда не хранила опустевшие баночки, флакончики, коробки и тут же выбрасывала чашку, если на той появлялся скол. Ярослав частенько подтрунивал над этим ее пунктиком избавляться от потерявших презентабельный вид вещей, иногда сердился, когда его застиранная, но любимая майка отправлялась в мусорный мешок. Но Олеся оставалась непреклонной: у любого предмета – ограниченный срок действия, они накапливают энергию хозяина и обмениваются ею с ним. Когда появляются трещины, дыры и сколы, значит, вещь свое отслужила. У Ярослава же к старому и ломаному была, наоборот, особая страсть: в гараже хранилась целая коллекция неработающих фотоаппаратов, радиоприемников и часов прошлого века. А недавно он притащил откуда-то два толстых пыльных альбома с пожелтевшими чужими фотографиями и спрятал у себя в комнате, оправдывая покупку желанием сделать фотосессии в старинном стиле. Так стоит ли удивляться, что он с таким восторгом отправился снимать на заброшенный завод? Впрочем, его отъезд Олесе был сегодня только на руку.

Звонить в архив было рано, поэтому утро началось, как обычно, с лечебной гимнастики, прохладного душа и неторопливого завтрака, состоявшего из поджаренных на сливочном масле гренок и душистого чая. Гренки к завтраку когда-то готовила мама, и аромат подрумяненного на сковороде хлеба каждый раз возвращал Олесю в те времена, когда в их квартире было многоголосно, радостно, немного тесно, но очень счастливо. Продолжая традицию, она всегда завтракала на кухне, хоть частенько и в одиночестве, потому что Ярослав жил в своем ритме и нередко предпочитал есть за компьютером во время работы.

Закончив завтрак, Олеся взглянула на часы и взяла мобильный. Трубку долго не брали. Но наконец на том конце провода раздалось недовольное и сухое «Алло!». Скорей всего служащая только пришла на работу, успела поставить чайник и бросить в чашку заварочный пакетик, но ее тут же отвлекли рабочим звонком. Однако, несмотря на раздраженное приветствие, женщина терпеливо ответила на вопросы, объяснила, как оформить запрос и на какой адрес его отправить. Олеся принесла на кухню свой ноутбук и, не откладывая дела в долгий ящик, составила письмо. К запросу об исторической справке и первых владельцах имения она присовокупила вопросы, касающиеся того периода, когда в усадьбе открыли санаторий для детей с проблемами опорно-двигательного аппарата. Отправив и-мэйл, она налила себе еще одну чашку чая и вновь села за стол. Новых сообщений не было, на форуме тот человек, от которого ожидала ответа, не появился. Олеся вздохнула и открыла страницу поисковика. Историю приходилось составлять самой, выискивая короткие упоминания нужного места, «просеивая», будто песок в поисках золотых крупинок, сведения на сотнях страниц, тщательно всматриваясь в детали каждой выброшенной по запросу поисковика фотографии – та или не та. Разматывать этот клубок было непросто: нити чаще всего были обрывочные и короткие. Слишком уж мало информации об интересующем ее месте содержалось даже в Сети, лишь общие сведения, без нужных деталей. Оставалось надеяться на ответ из архива.

В эти дни она столько думала о том, что могло случиться в усадьбе в начале прошлого века, что невольно принялась визуализировать образы и лица и додумывать те моменты, которых ей так не хватало. Воображение у нее всегда было живое, Олеся даже стала опасаться, что, увлекшись и поверив в «свою» историю, отойдет от фактов и пойдет по ложному пути. И все

же не могла избежать искушения в отдельный файл заносить то, что рисовало воображение. Основываясь, конечно, на фактах. И так у нее выходила своя история, наполненная деталями.

1912 год. Поместье Соловьево

– Отец, вы звали?

Дарья робко переступила порог погруженной в полумрак комнаты и замерла в ожидании ответа. Спальня в очередной раз показалась ей чужой из-за задернутых тяжелых портьер, не пропускающих солнечного света, и тяжелого запаха болезни – микстур, пота, несвежего белья.

– Да. Проходи, доченька, – ответил ей больной сухим и безжизненным, словно треск сучьев, голосом. Но вначале Дарья услышала, как заскрипели под тяжестью его тела пружины, как вырвался из груди то ли стон, то ли хрип, перешедший в короткий кашель. И ей на ум невольно пришло сравнение со старыми напольными часами, стоявшими когда-то в столовой: те тоже, прежде чем пробить нужный час, скрипели пружинами, хрипели, затем разряжались отрывистыми, будто покашливания, звуками, которые наконец-то сменял бой. Часы, безнадежно сломавшиеся, уже давно куда-то увезли, и судьбу их Дарья не знала. Но помнила, что перед тем, как окончательно стать, часы будто сошли с ума: стрелки завертелись в бешеном темпе, хрипы и стоны, перемежающиеся боем, раздавались каждую четверть часа. А затем часы вздрогнули несколько раз, будто в агонии, завибрировали всем корпусом в потугах разразиться боем, но только лишь тихо скрипнули и навсегда замолчали.

Дарья подошла к темнеющей в сумраке кровати, напоминающей остов небольшой парусной лодки, только со сломанной мачтой и убранным парусом. Многое она бы отдала за то, чтобы отец вновь встал с постели, прошелся по дому знакомым твердым шагом, поскрипывая половицами, за шуршание свежей газеты в его руках во время утреннего чаепития. Тот, кто лежал на кровати, совсем не походил на ее сильного и крепкого родителя. Очертания тела, вырисовывающиеся под скомканным покрывалом, принадлежали высохшему старику, но никак не мужчине, пусть уже и находящемуся на пороге старения, но еще не вступившему в его активную фазу. Дарья молча придвинула стоявший у стены стул к постели и присела на краешек, смиренно сложив ладони на коленях. Отец ослабел настолько, что лишь слегка смог повернуть к ней голову.

– Доченька, послушай… Времени мне осталось мало… – начал он и вновь зашелся натужным кашлем. Белая, будто испачканная в муке рука метнулась к горлу, но на полпути бессильно упала опять на постель.

– Платок… Дай платок, – прорвался сквозь кашель сип. Дарья поспешно поднесла к губам отца белоснежный платок, выхваченный из кармана. После того как приступ оборвался, она нежно обтерла губы больного чистым, не испачканным кровавыми пятнами уголком, а затем намочила в серебряном тазу, стоявшем у окна на маленьком столике, полотенце и положила на пылающий лоб отца.

– Спасибо, милая… Послушай меня. Не доживу до утра… Страшно мне тебя оставлять одну. Времена, чувствую, грядут смутные.

– Отец…

– Не перебивай, – попросил умирающий, и в его слабом голосе прорезались знакомые твердые нотки, которыми в бывалые времена он отдавал указания дворовым и кучеру. – Одну я тебя не оставлю. Андрей Алексеич о тебе позаботится… Он мне обещал. И ты пообещай…

Больной замолчал, словно в неловкости, и Даша похолодела от угаданного, пусть и не произнесенного вслух, окончания фразы. Андрей Алексеевич Седов был приятелем отца, хоть дружбу водили они сравнительно недолго. О нем Дарья знала, что был он вдовцом, первая его жена, Ольга Владимировна Пустовецкая, скончалась через год после свадьбы. Был генерал небеден. В его распоряжении находилось два поместья, оба располагались в соседних областях. Но жить Седов предпочитал в Петербурге. «Не деревенский я житель, да и по долгу службы

должен находиться в столице», – как-то обмолвился он за столом во время обеда, будучи у них в гостях. В последнее время генерал зачастил в деревню и в каждый свой приезд обязательно наведывался в гости. Приезжал всегда с подарками и гостинцами: Дарье привозил цветы и конфеты, отцу – книги. Нередко присылал свежую дичь. Отец охоту не уважал, а вот Седов – очень. Один раз даже привез в подарок шкуру убитого им медведя. Даша подарку не обрадовалась, но отец, чтобы не обижать дорогого гостя, велел постелить шкуру в своем кабинете возле маленького камина. С каждым визитом генерал стал задерживаться в их доме все дольше и дольше. И папа, к недовольству Даши, стал вести себя так, будто вступил с ним в сговор и в каждый визит под тем или иным предлогом ненадолго оставлял дочь с гостем наедине. Дарья сердилась про себя на отца, догадываясь, что тот задумал сватовство, но вслух никак не выказывала недовольства перед Андреем Алексеевичем, напротив, старалась быть с ним любезной. Ей уже исполнилось девятнадцать, красавицей она не была и иллюзий, что к ней посватается красивый молодой человек из благородной семьи, не питала. Генерал же был еще не стар, моложе отца, все еще привлекателен внешне, умен и состоятелен. То есть мог составить ей хорошую партию, и Дарья это понимала. Но было в нем что-то, что ее настораживало и пугало. Какой-то дикий, тщательно скрываемый нрав, граничащий с жестокостью. Каждый раз, когда Андрей Алексеич заговаривал с ней, Даше вспоминалась шкура убитого медведя и невольно рисовалась неприятная картина: вот генерал, горделиво красуясь, стоит рядом с поверженным зверем, поставив на его голову ногу в сапоге, а то и участвует в разделывании туши. Ее, от природы добросердечную и сострадательную к любой живой твари, такие картины приводили в ужас. Однажды генерал даже спросил Дашу, не дурно ли ей. Она пробормотала какую-то отговорку и попросила обеспокоенного гостя принести ей воды.

Седов навестил отца во время болезни дважды. В первый раз задержался недолго, чтобы не утомлять больного, но затем прислал своего доктора, хоть отца уже лечил семейный врач. Доктор от генерала долго осматривал больного, неодобрительно покачал головой и прописал дополнительные микстуры.

Во второй раз Седов нанес визит больному вчера и на этот раз задержался. Они с отцом о чем-то очень долго говорили за закрытыми дверями спальни, так, что Дарья начала беспокоиться, не утомился ли чересчур больной. Когда ее беспокойство достигло апогея, дверь открылась, но гость всего лишь передал просьбу отца принести из кабинета большую шкатулку, в которой хранились важные бумаги. И после того, как Дарья исполнила пожелание, хозяин с гостем уединились еще на полчаса.

И вот сегодня отец рассказал ей, о чем вел накануне разговор с гостем. Даша угадала: речь шла о ней и ее будущем. Генерал Седов попросил ее руки, и отец дал согласие на брак.

– Пообещай мне, милая… Так мне будет куда спокойней. Матушка твоя, царствие ей небесное, рано покинула нас, и я тогда поклялся, что сделаю все возможное для твоего счастья. Уж прости, милая, может, что-то не так делал, но старался…

– О чем вы, папенька! – воскликнула Дарья, стараясь не расплакаться. – Кто еще был так счастлив, как я?

– Андрей Алексееич пообещал мне, что с ним ты не будешь знать ни горя, ни нужды.

Ах, если бы отец в тот момент знал! Знал бы, на что обрекает горячо любимую дочь, на смертном одре выпросив у нее обещание выйти замуж за генерала Седова. Но он умер тихо на рассвете, во сне, успокоенный тем, что передал судьбу дочери в надежные руки.

После окончания траура Дарья сдержала данное отцу слово и вышла замуж за Андрея Алексеевича Седова. Свадьба была скромной, но в качестве подарка новоиспеченный муж переписал на жену поместье, переименовав его в «Дарьино». Может, была бы Дарья и счастлива в своей новой жизни, если бы не страшное открытие, сделанное уже после свадьбы, когда узнала она, что запятнана душа ее супруга несмываемым грехом.

* * *

На обратном пути Марина почти бежала, так, что Алексей едва за ней поспевал. Она оглянулась лишь раз и по его нахмуренным бровям догадалась о его крайнем раздражении. Но, упрямо закусив губы, быстро шла вперед, зачастую даже не по тропе, а напрямик по густой и высокой траве, лишенной летней сочности и оттого колкой и жесткой.

– Марина, да погоди ты! – окликнул ее Алексей, когда она, желая срезать путь, свернула в поле. Она остановилась и посмотрела на него с вызовом, готовясь отразить нападки.

– Ну, чего ты так разбежалась? Далеко мы уже от этой усадьбы, будь она неладна. Несешься, будто за тобой сто тысяч чертей гонятся! Чего ты?

Марина еще сильнее сжала челюсти, потому что не знала, как и себе объяснить, почему забивший вдруг во все колокола инстинкт самосохранения заставил ее мчаться от этого места так быстро, будто оно сулило ей смерть.

– Я испугалась, – наконец произнесла она и поежилась, будто от озноба.

Алексей накинул ей на плечи свою ветровку.

– Я вижу, что испугалась, но не до такой же степени! Мы ведь нашли объяснение. Бомж это был или кто-то из тех, кто охраняет усадьбу.

– Ее не охраняют, – глухо ответила Марина, почему-то уверенная в этом. Усадьба не нуждается в охране – человеком. В нее никто по доброй воле не сунется, и дело вовсе не в заколоченных входах и окнах, а в чем-то другом. Ей подумалось об этом так естественно, будто она знала о старой усадьбе гораздо больше, чем предполагала.

– Ну-ну, – только и сказал Алексей. Видно было по его глазам, спрятанным за прозрачными стеклышками очков, что слова Марины он не принял всерьез. Она поспешно отвернулась, чтобы только не встречаться больше с ним взглядом, в котором читала губительное для их отношений неверие.

– До деревни уже недалеко. Не имеет смысла идти через поле. Сэкономим минут пятнадцать, не больше. Давай по дороге, как и шли, – примирительно сказал Алексей, и Марина нехотя согласилась.

Тетка встречала их во дворе. Под мышкой она держала пустой эмалированный таз, придерживая его одной рукой. Другую ладонь приложила к бровям и, словно капитан на мостике, рассматривающий приближающуюся землю, выглядывала гостей. Сходство с парусником придавали и развешенные на веревках и развевающиеся на ветру белые простыни.

– Ранехонько вы вернулись! – прокомментировала Наталья, едва захлопнулась калитка. Однако в ее голосе прозвучала не досада, а плохо скрываемые нотки радости, будто она успела заскучать без общества. Из приоткрытой двери дома доносились соблазнительные запахи, которые, несмотря на пережитые потрясения, раздразнили аппетит.

– Суп почти готов.

– Рано еще обедать, тетя! – возразил Алексей, к недовольству Марины.

– Да пока вы умываетесь да переодеваетесь, вот и время подойдет. Супу еще настояться требуется.

Марина молча прошла в дверной проем и оказалась в прохладном сумраке маленькой прихожей. И только сейчас, будто деревянный дом тетки Натальи был толстостенной каменной крепостью, ощутила себя в безопасности. Она с облегчением перевела дух, не найдя сил даже посмеяться над собственными недавними страхами, и поскорей, пока хозяйка не добралась до нее с расспросами, шмыгнула в ванную.

Она долго плескала в лицо холодной водой и терла глаза, словно желая смыть воспоминания об увиденном в окне белом лице. Кожа уже онемела от холода, а Марина все продолжала подносить к щекам сложенные ковшиком ладони с сочащейся сквозь пальцы водой. И только

когда в дверь затарабанил обеспокоенный ее долгим отсутствием Алексей, закрутила кран и потянулась за жестким вафельным полотенцем.

– Ты в порядке? – раздалось через дверь.

– Да.

В порядке, если не считать того, что в зеркале вдруг вместо ее раскрасневшегося лица на долю секунды показалось то бледное и страшное, которое она так тщательно пыталась смыть из воспоминаний. Марина вздрогнула от неожиданности, но видение уже исчезло, словно его не было. Она повесила на крючок полотенце и, выходя из ванной, с опаской покосилась вновь в зеркало. Нет, все в порядке. Показалось.

За обедом неулыбчивая тетка Наталья спросила о прогулке, но так, будто интересовалась лишь из вежливости. Алексей ответил, но о странном происшествии не упомянул. Марина же ела суп молча, погруженная в свои мысли. Она уже не была уверена в том, что место, где они утром побывали, так уж ей незнакомо. Может, расспросить хозяйку об усадьбе? Как-никак, местная жительница, должна многое знать. К концу обеда эта робкая мысль переросла в твердое решение. И когда Алексей, покончив с чаем, заявил, что пойдет отдыхать, Марина не отправилась за ним, а предложила Наталье свою помощь.

– Ну, помоги, – согласилась та, пряча довольную улыбку.

Алексей удивленно оглянулся: дома Марина никогда не мыла посуду, даже просто чашки, чтобы не испортить маникюр. И вот поди ж ты!

– Иди, иди, – махнула на него полотенцем тетя, заметив его заминку. – Мы сами тут управимся. – И вдруг расщедрилась на комплимент: – Девушка у тебя хорошая.

От этих простых слов на душе у Марины потеплело, и тот страх, который до сих пор сковывал душу, вдруг разбился, словно выскользнувшая из рук ледышка, и рассыпался крошкой. Она собрала со стола посуду, составила ее в раковину и включила воду. И, пока решимость ее не оставила, сразу спросила:

– Тетя Наташа, а внутрь усадьбы можно попасть?

– Э? – очнулась, будто от сна, пожилая женщина и выпрямилась, держа перед собой ладонь «ковшиком», в которую собрала крошки со стола. – Ты про бывший санаторий спрашиваешь?

– Да.

– Не знаю, что сказать. Он давно пустует. Лет пятнадцать, а то и больше. Я туда не хожу. Это вы там сегодня были, значит, вам видней, можно ли внутрь попасть.

Марина молча кивнула, чувствуя разочарование: тетка ответила так, что продолжение разговора не подразумевалось. Но хозяйка вдруг произнесла:

– Был там какой-то случай, после которого санаторий закрыли. То ли кто-то из детей погиб, то ли чуть не погиб. Деталей не знаю. Там будто быстро во всем разобрались, но скрытно так, любопытным осталось лишь гадать, почему закрыли санаторий. А я не любопытная. К чему мне все знать? Вещи кое-какие выставили на продажу. Их разобрали быстро. А чего не разобрать, если они – добротные? Я бы, может, тоже что-то купила, если бы в то время с радикулитом не свалилась.

Тетка сокрушенно поджала губы, словно жалея о том, что не попала на распродажу. Марина уже успела заметить, что хозяйка питает слабость ко всякому старью. Был в доме и старинный патефон, заботливо прикрытый белоснежной вязаной салфеткой, и давно не работающий проигрыватель, похожий на комод на высоких ножках, и чугунный тяжеленный утюг, который, может, еще видал времена батюшки-царя, и отпаривали им кружева на подоле и ленты для какой-нибудь модницы из позапрошлого века. Было много и других предметов, помельче, расставленных на всевозможных поверхностях, от полок до подоконников: фарфоровые статуэтки, раскрашенные глиняные свистульки в виде соловьев, шкатулки, часы и прочее. И не ленилась же тетка Наталья ежедневно протирать все эти безделушки от пыли!

– В общем, на распродажу я не попала. Но недавно наткнулась на рынке на портрет. Те, у кого он хранился, уезжали в город, дом оформили на родственников, а вещи продавали. Как я могла устоять! Купила, конечно. Старинная же вещь, подлинная. Бывшие хозяева за портретом смотрели плохо, совершенно не ухаживали. Может, пылился где-то на чердаке. Мне пришлось его в фотоателье отдавать, чтобы привели в порядок. Еще те деньжищи. Но разве мне жалко? Главное, что у меня он уж будет в целости и сохранности.

Тетка еще долго ворчала о том, каким неухоженным ей достался портрет и какие деньги она потратила на его восстановление. Марина слушала вполуха, думая над сказанными Натальей словами о случае, после которого санаторий закрыли. Узнать бы, что там на самом деле произошло!

– Жаль, что усадьба стоит заброшенной, – вздохнула она и завернула кран. – Неужели никто ею так и не займется?

– Денег нет у администрации. А спонсоры не спешат вкладываться. Может, если бы кто ее из богатеев выкупил? Тогда бы другое дело. Да и то опасно: купят под дачу да изуродуют, камня на камне от прежней красоты не оставят.

– Леша сказал, что хочет в Интернете выложить фотографии усадьбы, вдруг удастся привлечь внимание к ней?

– Ну, благое дело, – сказала тетка Наталья, но как-то без ожидаемого Мариной энтузиазма. Странная все же она женщина, живет себе отшельницей, всю жизнь в земле ковыряется, малообразованная крестьянка, а, однако же, любит старинные вещи, они ей словно семью заменяют. Но при этом без огонька отреагировала на желание Алексея не дать усадьбе погибнуть.

– Все? – окинула цепким взглядом кухню хозяйка. – Раковину насухо тряпкой вытри и иди. Ты мне больше не нужна.

Марина даже чуть обиделась: вместо благодарности ее отправляют восвояси. Но спорить не стала, молча вытерла, как ей и велели, раковину и аккуратно расправила тряпку на краю для просушки.

– Спасибо, – расщедрилась-таки на скупую благодарность тетка. – Иди, отдыхай. Я вас к чаю позову.

Похоже, главной заботой тетки Натальи было то, чтобы ее гости не оставались голодными.

Когда Марина вошла в комнату, она увидела, что Алексей лежит на кровати и что-то с интересом читает в смартфоне.

– Поладила с моей тетей? – спросил он, не отрывая взгляда от монитора. Марина присела на край кровати и, подтянув ноги, обняла колени руками.

– Угу.

– А я тут про усадьбу читаю. Интересно! – Алексей наконец-то посмотрел на нее и поправил пальцем сползшие на кончик носа очки. – Тебя удивит!

– И что ж там такое? – делано равнодушно спросила она, хоть сердце отчего-то забилось, и по спине прошла волна жара.

– Сначала немного истории. Слушай! Окончание строительства усадьбы датируется 1906 годом. Построена она была в качестве свадебного подарка молодой жене генерала Седова Ольге.

– Как – Ольге? Твоя тетя сказала, что хозяйкой в усадьбе была Дарья. Или я ошибаюсь?

– Погоди ты, – улыбнулся Алексей и вновь поправил очки. – Не перебивай. Для будущей усадьбы было выбрано живописное место на высоком берегу, откуда открывался вид на реку. Проектировку поручили одному из модных столичных архитекторов Зарубину, а отделкой занялись итальянцы. Фамилия их не указана. Все сделали в соответствии со вкусами будущей жены генерала. В итоге оформление поражало множеством картин, скульптур, антиквариата, золота и бронзы.

– Куда все это потом девалось? – задумчиво произнесла Марина.

– Ну, куда-куда… – Алексей сделал неопределенный жест рукой. – Разграбили, думаю. Усадьбе пришлось пережить не одно смутное время, после революции ее национализировали. Но не торопи меня. Слушай по порядку… Усадьба была построена в рекордно короткие сроки и, помимо главного здания, насчитывала еще около сорока построек: разные службы, водокачка, электростанция. К нашему времени из них не уцелело и половины, к сожалению. В угоду будущей хозяйке был разбит огромный парк и несколько оранжерей. После свадьбы молодые поселились в усадьбе.

– Свадьба проходила в этом поместье? – уточнила Марина, думая о привидевшемся ей на смотровой площадке светском празднике.

– Об этом ничего не сказано. Но, к сожалению, усадьбе так и не суждено было стать местным Версалем: меньше чем через год после свадьбы генерал овдовел. Причина смерти Ольги не указана.

– Вот как… – протянула Марина и подумала, что скорей всего молодую женщину сразила болезнь вроде чахотки.

– Так что с 1907 года усадьба пустовала до тех пор, пока генерал вновь не женился, на этот раз уже на Дарье, в девичестве Соловьевой. И вновь в качестве подарка была преподнесена усадьба, а само поместье переименовано в «Дарьино». Вторая жена вела замкнутый образ жизни, в поместье жила уединенно, праздников не устраивала. Но и этот брак просуществовал недолго: на этот раз уже погиб сам генерал в Первую мировую войну. Дарья отдала усадьбу под военный лазарет, в котором же сама не покладая рук работала, за что сыскала народную любовь. После войны на месте лазарета был организован санаторий для детей с костным туберкулезом…

– То есть эта усадьба еще раньше была санаторием? – переспросила Марина. Алексей кивнул:

– Так сказано в Википедии. А во Вторую мировую ее вновь преобразовали в госпиталь. Тогда усадьба и пострадала во время одной из бомбежек. Многие постройки оказались уничтожены, и восстановить их не удалось, только потом, после войны, – основное здание. Затем усадьбе с перерывами случилось побывать и оздоровительной школой, и дачей, куда вывозили на лето детей из ближайшего детдома.

– А что Дарья?

– А о ней почему-то дальше ни слова. Куда девалась, пережила ли революцию, осталась ли в России или сбежала за границу – неизвестно. Я, по крайней мере, не нашел информации.

– Знаешь, мне почему-то кажется, что не была эта Дарья Седова такой уж святой, как ее тут представляют, – сказала Марина. – Не нравится мне ее портрет. Почему-то пугает. Может, попросишь тетю, чтобы она его сняла? Ну, пока мы тут гостим…

– Марин, не начинай, – поморщился Алексей. – С тех пор как мы сюда приехали, тебе все время то что-то не нравится, то пугает. Портрет-то чем тебе помешал? Висит себе и висит.

– Ты не понимаешь!

– Конечно, не понимаю. Чем тебя мог напугать обычный фотопортрет, так, что ты его ночью даже отвернула? Благо тетя об этом не знает.

– Он… – начала Марина и осеклась. Если она перескажет ночные события, Алексей опять ей не поверит и поднимет на смех. Но что-то исходило от изображенной на нем женщины, что-то нехорошее, что чувствовала, похоже, только Марина. С одной стороны, ей казалось, будто эта Дарья с портрета следит за ней, с другой – ощущала некую с ней связь.

– Ты в порядке? – спросил Алексей, глядя на нее поверх очков.

– Да, – рассеянно ответила Марина. – Что там дальше про эту усадьбу?

– С середины восьмидесятых и до начала девяностых она пустовала. В конце девяностых начали ее реставрацию и в девяносто шестом открыли санаторий для детей с проблемами опорно-двигательного аппарата. Но почему-то через два года закрыли, и с тех пор здание пустует.

– Твоя тетя сказала, что там произошла какая-то темная история, чуть ли не погиб ребенок. Но подробностей она не знает.

– Интересно бы поискать, что случилось, – задумчиво произнес Алексей и, вдруг улыбнувшись, загадочно произнес:

– А вот теперь самое интересное. Знаешь, ты была права!

– В чем?

– Помнишь тот фонтан перед главным входом? – торопливо, понизив голос, будто сообщал ей какую-то тайну, заговорил он. – Ты сказала, что в центре него должна быть девушка с арфой.

– Не должна. Мне так просто подумалось.

– Не просто так! – со значением поднял вверх палец Леша. – Она там на самом деле была! Вот, смотри.

Он протянул Марине свой смартфон, на мониторе которого была открыта фотография фонтана в те времена, когда тот еще работал. Центральную его композицию действительно представляла фигура девушки с арфой, а струи воды вокруг нее образовывали подобие беседки.

– Ну, как? Знаком тебе этот фонтан? – весело спросил Алексей, наслаждаясь замешательством Марины. – И что из этого следует? А из этого следует то, что ты действительно была в этих местах когда-то.

– Или где-то видела фотографию – в Интернете или на открытке, – возразила Марина, но как-то безнадежно, словно сдаваясь. Значит, у ее дежавю имелось веское основание. Но когда и при каких обстоятельствах она могла побывать в поместье?

– Да нет, вряд ли, – махнул рукой Алексей. – А ведь это здорово, Маринка! Значит, теоретически мы могли пересечься еще в детстве. Ведь я приезжал к тете часто.

– Да, но к усадьбе не ходил.

– Ну и что? Ты могла оказаться как там, так и здесь, в деревне. Мало ли. Неужели тебе ничего не припоминается?

Марина качнула головой, но опять же неуверенно. Может, она была еще так мала, что не запомнила самой поездки, но фонтан по какой-то причине отпечатался в памяти?

– Я спрошу у мамы, она может рассказать то, что я забыла.

Марина отказалась смотреть сделанные утром фотографии: хватит с нее на сегодня этой усадьбы с ее загадками. На нее вдруг навалилась такая тяжелая усталость, что ей оказалось даже сложно дышать. Она прилегла на кровать и свернулась калачиком. Невольно ее взгляд встретился со взглядом взирающей на нее с портрета Дарьи Седовой, и по спине прошлась волна озноба. «Чего ты от меня хочешь?» – обратилась Марина мысленно к даме и, превозмогая связывающую по рукам и ногам усталость, поднялась. Алексей на мгновение поднял взгляд от планшета, в который загружал с телефона снимки и делал какие-то пометки, но ничего не сказал. Марина захватила книгу и вышла в огород, где тетя Наташа постелила на старую раскладушку чистое одеяло специально для того, чтобы гости могли отдохнуть на свежем воздухе.

Она легла на живот и раскрыла детектив. Сентябрьское солнце мягко согревало ей спину, легкий ветер ерошил волосы так ласково, будто к ним прикасалась материнская рука. Ее душа наконец-то стала наполняться покоем, а тело – не усталостью, а уютной ленцой. И впервые за все это время, проведенное в деревне, Марина наконец-то ощутила чувство тихого счастья, гармонии и единения с природой.

Но когда она уже стала засыпать, одна мысль, озвученная будто не ею про себя, а вслух кем-то неизвестным, выдернула из ватной дремы: «А ведь тем едва не погибшим ребенком была ты!»

Глава 4

Олеся закончила свои исследования и записи к обеду и потянулась, разминая затекшую спину. Ярослав, уезжая на съемки, обычно брал с собой кофе в термосе и бутерброды. Вернуться он собирался к вечеру, так что Олеся решила не заморачиваться готовкой и просто перекусить оставшейся с ужина запеченной с овощами рыбой. Прежде чем выключить ноутбук, она зашла на форум и на этот раз увидела оповещение о принятом сообщении. Сердце неожиданно подпрыгнуло, будто от испуга или внезапной радости, на щеки хлынул румянец. Олеся сделала глубокий вдох как перед прыжком в воду, кликнула на значок и радостно улыбнулась, увидев на аватарке отправителя сообщения знакомую морду ягуара. Дикий зверь смотрел на нее спокойно, даже расслабленно, в желто-зеленых глазах не было хищной настороженности, словно ягуар в этот момент находился в небывалом покое. Рядом с никнеймом «Ягуар» светилась зеленая точка, извещающая о том, что пользователь находится онлайн, и Олесю захлестнула новая волна странной нервозности.

«Давайте встретимся», – было написано в сообщении без всякого приветствия. «Где и когда вам удобно?» Значок возле никнейма продолжал светиться зеленым. Олеся на мгновение замерла, а потом быстро, пока ее не покинула решимость, отстучала название кафе возле ближайшего к ее дому метро и на всякий случай указала свой телефон. Ответили ей сразу: «Ок! Через час. Как я вас узнаю?» Она дала свои приметы, думая, что и ее собеседник опишет себя в ответ. Но он не ответил, зеленый значок погас, и Олеся, надеявшаяся хотя бы на вежливое прощание, разочарованно вздохнула. Впрочем, Ягуар и на форуме, где был одним из главных, вел себя похоже: в разговоры вступал мало, всегда по делу, отвечал хоть и односложно, но удивительно метко. Мог в любой момент, не попрощавшись с форумчанами, исчезнуть прямо посреди разговора. Часто его реплики служили поводом для оживленных бесед. Или, наоборот, именно его слова гасили огонь, если обстановка накалялась.

Олеся разогрела рыбу, но смогла съесть лишь кусочек, остатки так и убрала обратно в холодильник. Кто бы мог подумать, что назначенная встреча так ее взбудоражит? Этого человека она никогда не видела, даже не знала его настоящего имени. Все, что ей было о нем известно, умещалось в три скупые строчки на его персональной странице: руководитель группы по исследованию аномальных явлений, администратор форума, место нахождения – Москва. И эта аватарка дикого зверя, и вызывающий нескромные фантазии ник «Ягуар», за которым пряталась первозданная сила альфа-самца. Олеся не раз, с тех пор как зарегистрировалась на форуме, пыталась представить себе его администратора. Дважды он ей снился, и сны эти она вспоминала хоть и с неловкостью, но одновременно и со сладким удовольствием и радостью. Долго она не решалась написать Ягуару. Дважды принималась и удаляла сообщения, не отправив их: то ей казалось, что письмо вышло излишне длинным, то – слишком сумбурным. Наконец, ей удалось уместить свой рассказ всего в несколько строк. Вышло немного сухо, скорее по-деловому, но ей подумалось, что именно такое сообщение – в стиле немногословного Ягуара. И от него она тоже ожидала краткого ответа, но и представить не могла, что он назначит ей встречу. Олесе опять вспомнились те два «неприличных» сна, и щеки запылали еще больше, будто этот человек каким-то образом мог узнать о ее фантазиях. Олеся метнулась в ванную, отвернула на всю кран и долго умывалась холодной водой. Затем, глянув на свое раскрасневшееся лицо в зеркало, рассмеялась: ну что за нелепость! Будто она никогда в жизни не встречалась с мужчинами. Было в ее жизни несколько свиданий, еще до того, как болезнь обострилась, так и не приведших к долгим серьезным отношениям по ее вине, потому что за все свои двадцать семь лет она так и не успела всерьез увлечься кем-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.